

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ТОСКА

Аннотация. Наряду с утопической ориентацией у Платонова существует подспудное меланхолическое начало, которое выражается словом *тоска*. Семантический объем этого ключевого слова русской культуры у Платонова гораздо шире, чем в литературной традиции, в особенности в литературе эпохи романтизма. Несмотря на то, что романтическое понимание тоски сильно отличается от платоновской мысли, сопоставление двух концепций может пролить новый свет на творчество Платонова. Базисом сравнительного рассмотрения может служить сюжет путешествия, который лежит в основе как разных произведений романтизма, так и платоновского романа «Чевенгур». Отчужденный от общества романтический герой отличается своей «асоциальной» натурой. Его тоска является выражением индивидуального настроения, в то время как у Платонова слово *тоска* нередко включает выражено «просоциальное» значение и установку на коллективное будущее. Так, например, в «Чевенгуре» выдающуюся роль играет «тоска по концу истории». В разных текстах Платонова начала 1920-х гг. мы встречаем выражение «тоска по невозможному», которое, без сомнения, восходит к «Эросу невозможного» символиста Вячеслава Иванова. Поскольку Иванов противопоставляет стремление к «невозможному» романтической «тоске по несбыточному», Платонову было нетрудно присоединиться к этой критике романтической тоски. «Тоска по невозможному» употребляется им в течение нескольких лет в связи с идеей преобразования вселенной. После крушения чевенгурской утопии, однако, «надежда на будущее» уступает «тоске по прошедшему времени».

Ключевые слова: тоска; байронизм; романтизм; эгоцентрический герой; сюжет путешествия; литературные сюжеты; русская литература; русские писатели.

Günther H.
Bielefeld, Germany

ANDREI PLATONOV AND ROMANTIC YEARNINGING

Abstract. Along with utopian orientation, Platonov has an unconscious melancholic creative motive which can be defined with the help of the word *yearning*. The semantic volume of this key word of Russian culture is much broader in Platonov's philosophy than in the literary tradition, and specifically in the literature of the epoch of Romanticism. Irrespective of the fact that the romantic interpretation of yearning radically differs from that of Platonov, the comparison of the two conceptions can throw new light on Platonov's creative activity. A comparative study can be based on the plot of a travel lying at the basis of both numerous works of romantic fiction and Platonov's novel "Chevengur". Estranged from society, the romantic protagonist is characterized by his "asocial" nature. His yearning is an expression of individual mood, whereas in Platonov's creative activity the word *yearning* often includes a salient "prosocial" meaning and orientation towards collective future. Thus, for instance, "yearning for the end of history" plays an outstanding role in "Chevengur". In various Platonov's texts of the early 1920s, we come across the expression "yearning for the impossible", which undoubtedly originates from the "Eros of the Impossible" by the symbolist Vyacheslav Ivanov. As long as Ivanov opposes the striving for the "impossible" to the romantic "yearning for the impossible", it was not difficult for Platonov to support this criticism of romantic yearning. The "yearning for the impossible" is used by him for some years in connection with the idea of transformation of the universe. After the crash of the "Chevengur" utopia, nevertheless, the "hope for a better future" gives place to the "yearning for the past".

Keywords: yearning; Byronism; romanticism; egocentric hero; travel plot; literary subjects; Russian literature; Russian writers.

Для цитирования: Гюнтер, Х. Андрей Платонов и романтическая тоска / Х. Гюнтер // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 66–69. DOI: 10.26170/FK19-04-08.

For citation: Günther, H. (2019). Andrei Platonov and Romantic Yearning. In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 66–69. DOI: 10.26170/FK19-04-08.

В произведениях А. Платонова, с одной стороны, разрабатывается целый ряд утопических перспектив, а с другой стороны, в них присутствует меланхолическое начало, которое выражается словом *тоска* и его синонимами: *уныние, грусть, печаль, скука, томление* и др. Феномен тоски глубоко укоренен в традиции русского менталитета и фольклора и, в особенности, в литературе эпохи романтизма. В творчестве Платонова он встречается в самых разных оттенках – как тоска по настоящему социализму и концу истории, как меланхолия русского пространства, а также как грустное ощущение исчезновения времени, воспоминания о детстве и об отце или чувство тщетности че-

ловеческой деятельности. В то же самое время можно говорить о психическом расположении самого Платонова к меланхолии, которое находит свое выражение в символе луны, встречающемся как в его переписке, так и в литературных произведениях писателя. «Моя родина луна», – пишет он в письме будущей жене Марии Кашинцевой в 1921 году [Платонов 2014: 99]. В художественных текстах – прежде всего в «Чевенгуре» – лунный мир одиночества и умирающей жизни противопоставляется социальному миру товарищества [Гюнтер 2017: 29–31]. Можно даже предположить, что для меланхолика Платонова революция выполняла функцию своеобразного антидепрессива [Flatley 2008:

158]. Очевидно, тоска, определяющая настроение человека и его господствующую установку по отношению к миру, играет ту же роль, что и страх (*Angst*) в экзистенциальной философии Хайдеггера. Разница, однако, в том, что, в отличие от индивидуалистического фокуса Хайдеггера, тоска у Платонова включает в себя сильное стремление к содружеству людей.

Тоска – ключевое слово русской культуры [Werzbička 1992: 169], обозначающее этноспецифический способ эмоционального расположения человека в мире. Не раз было отмечено, что в других языках нет адекватного перевода этого слова. В немецком языке среди прочего называют *Schwermut, Melancholie, Sehnsucht Trauer, Gram, Kummer, Beklemmung, Seelenschmerz, Trostlosigkeit*, в английском *melancholy, yearning, longing, sadness, depression, nostalgia, boredom*.

У многих авторов – прежде всего у лингвистов, исследующих специфику культурных концептов, – выделяется одна доминантная семантическая примета тоски – страстное желание чего-то очень важного для жизни, но нереализуемого¹. В отличие от грусти и печали, тоска характеризуется интенсивностью и длительностью, которую можно сравнить с продолжительной болью или болезнью. Часто она описывает общее состояние человеческой жизни. В отличие от этого, у смежного концепта *скуки* акцент стоит на бездействии, отсутствии цели или перенасыщении. Если тоска, как правило, содержит активный момент, установку на определенный объект (напр. «тоска по родине»), то скука замкнута на саму себя. В то время как тоска включает широкий спектр разных проявлений и оттенков, скука скорее однообразна.

Семантика тоски в большей мере зависит от идейного контекста, в котором функционирует этот термин. Приведем лишь несколько примеров. Юрий Степанов в своей книге о константах русской культуры [Степанов 2001: 876–890] подчеркивает близость тоски к страху, ссылаясь на таких авторов, как Достоевский, Толстой или Чехов, у которых тоска в разных оттенках проявляется как выражение экзистенциального взгляда на жизнь; у Тютчева тоску можно понимать на фоне романтической натурфилософии; Бердяев относит тоску к трансцендентальному миру, отделяя ее от скуки, которая возникает на фоне ничтожества и пустоты жизни: «В тоске есть надежда: в скуке – безнадежность» [Бердяев 1991: 50].

Особую роль феномен тоски – наряду со скукой – играет в литературе романтизма. Несмотря на то, что романтическое понимание тоски сильно отличается от платоновской мысли, сопоставление двух концепций может пролить новый свет на творчество Платонова. Базисом сравнительного рассмотрения может служить сюжет путешествия, который лежит в основе ряда таких романтических произведений, как «Паломничество Чайльд Гарольда» (1812–1880) Дж. Байрона, «Евгений Онегин» (1825–1833) А. Пушкина, «Герой нашего времени» (1840) М. Лермонтова. Исходной точкой романтического сюжета путешествия является разоча-

рование молодого героя его поверхностной и порочной жизнью и неприятие окружающего мира. Центральный мотив нарративной цепи – бегство из общества. Неопределенная цель бегства руководствуется поиском чужой гетеротопии как противоположностью нелюбимой родины, которую герой покинул. Завершением этого нарратива становится возвращение героя к исходной точке путешествия. «Чевенгур» Платонова по существу прямо противоположен романтическому нарративу путешествия. Вместо скуки и отвращения к окружающему обществу главным стимулом героя является стремление отправиться в мир, чтобы «ощутить чужую отдаленную жизнь» [Платонов 2009: 61]. На место бегства из общества приходит тоска по содружеству людей.

«Чайльд Гарольд» Байрона в особой степени может служить образцом романтического нарратива путешествия, поскольку в поэме развернуты все его релевантные фазисы и мотивы. В русском романтизме байронизм, как известно, играл важную роль. Наполненный отвращением к развратной жизни молодой герой Байрона принимает решение покинуть родину. Он превращается в изгнанника по собственной воле (*self-exiled*) [Byron 1899: 19] и меланхолического изгоя (*wandering outlaw*) [Byron 1899: 217], который беспокойно странствует по миру. В конце концов, однако, он возвращается на родину. Подобно Чайльду Гарольду, герой поэмы Пушкина «Цыганы» (1827) Алеко является «изгнанником перелетным» [Пушкин 1957: 212], который бежит от «толпы». В «Евгении Онегине» байронический образец появляется в измененной иронической форме. Мотив путешествия оказывается сильно редуцирован. Утомленный скукой бездеятельной жизни герой путешествует не по далеким странам, а по русской провинции. Но везде его преследует меланхолия: «Тоска. Тоска. Спешит Евгений, скорее далее...» [Пушкин 1957: 202]. Ближе к Байрону оказывается лермонтовский «гонимый миром странник», который «оставил брег земли родной / Для добровольного изгнания» [Лермонтов 1969: 111]. Но разочарованный приключенческой жизнью на Кавказе герой не может уйти от скуки. По сравнению с Байроном, образ героя поэмы сильно психологизирован. Жизнь представляется ему как бессмысленное вечное повторение уже пережитого [Hansen-Löve 1992: 420].

Характерной приметой отчужденного от общества романтического героя является его асоциальная натура [Манн 1995: 104]. По Достоевскому, байронизм рождался после французской революции «в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния» [Достоевский 1984: 113]. В творчестве Пушкина эта «тоска человечества» нашла адекватное выражение. Из асоциальной установки романтического героя вытекает его равнодушие к обществу и социальная пустота [Trojansky 1990: 168], нередко переходящая в аморализм и отрицание нравственных норм.

В русском символизме тоска выходит на сцену в новой одежде. На первый план выступают такие слова, как *ожидание* или *грядущее*, говорящие о стремлении к неопределенному будущему. В отличие от индивидуализма романтиков, тоска – в особенности в творчестве Вячеслава Иванова начала XX века – принимает форму

¹ Самое обстоятельное определение тоски, включая ее многочисленные синонимы, содержится в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [см.: Апресян 2003: 1065–1070].

напряженной установки на коллективное будущее. Лозунгом этой новой тоски может считаться слово *невозможно*. В статье «Идея неприятия мира» (1909) В. Иванов пишет о пафосе неприятия мира, который находит свое выражение в формуле «Эрос Невозможного»: «Эта любовь к невозможному – принцип всей религиозной жажды, всей творческой фантазии, всех порывов и дерзновений, совершившихся под знаменем „Excelsior“, – есть патетический принцип современной души» [Иванов 1990: 90]. В том же сборнике была напечатана программная статья Иванова «Предчувствия и предвестия», в которой романтической ориентации на прошлое противопоставляется символистское пророчество: «Романтизм – тоска по несбыточному, пророчество – по несбывшемуся. Романтизм – заря вечерняя, пророчество – утренняя... Невозможное, иррациональное, чудо – для пророчества постулат, для романтизма *primdesiderium*. „Золотой век“ в прошлом (концепция греков) – романтизм; „золотой век“ в будущем (концепция мессианизма) – пророчество» [Иванов 1909: 191].

«Эрос невозможного», который, по мнению А. Эткинды [Эткинд 1994: 8], выражает дух эпохи, окрылял, без сомнения, и Платонова. «В своем сердце мы носим тоску и жажду невозможного» [Платонов 2011: 277], пишет он в статье «Поэма мысли» (1920-1921), которая прямо отсылает к сборнику Иванова «К звездам» (1909). Стихи Ф. Сологуба «Я люблю всегда далекое, / Мне желанно невозможное / Призываю жестокое / Отвергаю непреложное <...>» [Сологуб 1975: 149] вполне могли – в революционном переосмыслении – соответствовать радикальному духу молодого Платонова. Предшественником ориентации на «невозможное», конечно, был Ф. Ницше, проповедник «тоски по будущему». Его Заратустра требует: «Будущее и самое дальнее пусть будет причиной твоего сегодня» [Ницше 1993: 41]. Известная цитата о любви к дальнему и будущему стала одной из базовых идей платоновского творчества.

Платонову было нетрудно присоединиться к переживанию «эроса невозможного» Иванова и его критике романтической тоски. В отличие от эгоцентризма асоциального романтического героя, главный герой «Чевенгура» Саша Дванов характеризуется «просоциальным» [Bierhof 2002] отношением к обществу. Его путешествие по России мотивируется стремлением «к захвату жизни» [Платонов 2009: 61]. Но чем более ясным становится крушение чевенгурской утопии, тем сильнее Дванов чувствует наступление «вечерней тоски»: «Дванов чувствовал тоску по прошедшему времени: оно постоянно сбивается и исчезает, а человек остается на одном месте со своей надеждой на буду-

щее; и Дванов догадался, почему Чепурный и большевики-чевенгурцы так желают коммунизма: он есть конец истории, конец времени, время же идет в природе, а в человеке стоит тоска» [Платонов 2009: 335]. В человеке скрещиваются два вектора тоски – «тоска по прошедшему времени» и «надежда на будущее». Тоска, которая «стоит» в человеке, – это та антропологическая константа, которая обозначает шаткую позицию человека в мире между прошлым и будущим. «Путешествие с открытым сердцем» Саши Дванова началось с поиска «невозможного», а кончается под знаком меланхолического одиночества и возвращения в детство. Адекватным описанием этого явления можно считать оксюморонное выражение «революционного пессимизма», которое [Яблоков 2017] включает в себя не реабилитацию романтической тоски, но сосуществование революционной и меланхолической стихий в творчестве Платонова.

В завершение наших рассуждений об отношении Платонова к романтизму хотелось бы указать на одну любопытную деталь из «Чевенгура», которая косвенно связана с нашей тематикой. В романе речь идет о том, что во время гражданской войны красноармейцы поют «песню от скуки войны», между тем как комендант читает книгу романтического автора, «Приключения отшельника, любителя изящного, изданные Тиком» [Платонов 2009: 69]. В последней части этой книги, которая содержит рассуждения музыканта Йосифа Берлингера об искусстве, затрагивается тема, которая, несомненно, представляла животрепещущий интерес и для Платонова – отношение художника к окружающей жестокой действительности. По Берлингеру, искусство обладает опасной соблазнительной и обманчивой силой, поскольку оно способно абстрагироваться от ужасов мира. Художника мучат угрызения совести, потому что он видит, что вокруг него страдают миллионы людей от войн и других бедствий, а он сидит «спокойно посреди стонающего человечества» [Вакенродер 1914: 303], погружен в пленительную гармонию сладких музыкальных звуков. Одновременно он слышит голоса людей, просящих о помощи. «Их звуки раздирают сердце; невольный страх объемлет смятенный дух художника, он не знает, что отвечать им; бежать стыдно, спасти их – нет средства. Сострадание терзает его...» [Вакенродер 1914: 304]. Тот странный факт, что посреди гражданской войны красноармейский командир читает книгу немецкого романтика Вакенродера об искусстве, наводит на мысль, что в положении художника периода романтизма и писателя эпохи революции все-таки много общего.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003.
- Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. – М.: Книга, 1991.
- Вакенродер В. Г. Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Тиком. – М.: Издательство «К. Ф. Некрасов», 1914.
- Гюнтер Х. Революция и тоска в творчестве А. Платонова // Скрытая теплота революции / ред. Е. Яблоков. – М.: Полимедия, 2017. – С. 29–31.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1984. – Т. 26.
- Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы; опыты философские, эстетические и критические. – СПб.: Оры, 1909.

- Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х томах. – М.: Правда, 1969.
 Манн Ю. Динамика русского романтизма. – М.: Аспект пресс, 1995.
 Ницше Ф. Сочинения: в 2-х томах. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2.
 Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма [1920–1950 гг.]. – М.: АСТ, 2014.
 Платонов А. Чевенгур. Котлован. – М.: Время, 2009.
 Платонов А. Усомнившийся Макар. – М.: Время, 2011.
 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти томах. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 4: Поэмы. Сказки.
 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти томах. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 5: Евгений Онегин.
 Сологуб Ф. Стихотворения. – Ленинград: Советский писатель. 1975.
 Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2001.
 Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. – М.: Гнозис-прогресс-Комплексы, 1994.
 Яблоков Е. Изменить мир до узнаваемости: Революционный пассеизм Андрея Платонова // Скрытая теплота революции / ред. Е. Яблоков. – М.: Полимедиа, 2017. – С. 157–178.
 Bierhoff H.-W. Prosoziales Verhalten // Sozialpsychologie. Eine Einführung. 4. Aufl. / ed. by W. Stroebe et al. – Berlin: Heidelberg; New York: Springer Verlag, 2002. – S. 319–351.
 Byron G. G. The Works of Lord Byron / ed. by E. H. Coleridge. – London: Murray, 1889. – Vol. 2: Poetry.
 Flatley J. Affective Mapping. Melancholia and the Politics of Modernism. – Cambridge; London: Harvard University Press, 2008.
 Hansen-Löve A. A. Pečorin als Frau und Pferd und anderes zu Lermontovs „Geroj nasego vremeni“. Teil 1 // Russian Literature. 1992. – № 31. – P. 491–543.
 Trojansky E. Pessimismus und Nihilismus in der romantischen Weltanschauung. – Frankfurt a. M. u. a.: Peter Lang, 1990.

REFERENCES

- Apresyan, Yu. D. (2003). *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd edition. Moscow, Shkola «Yazyki slavyanskoi kul'tury».
 Berdyayev, N. A. (1991). *Samopoznanie. Opyt filosofskoi avtobiografii* [Self-knowledge. The Experience of Philosophical Autobiography]. Moscow, Kniga.
 Bierhoff, H.-W. (2002). Prosoziales Verhalten. In Stroebe, W. et alii (Eds.). *Sozialpsychologie. Eine Einführung. 4. Aufl.* Berlin, Heidelberg, New York, Springer Verlag, pp. 319–351.
 Byron, G. G. (1889). *The Works of Lord Byron* / ed. by E. H. Coleridge. London, Murray. Vol. 2: Poetry.
 Dostoevskii, F. M. (1984). *Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti tomakh* [Full Composition of Writings, in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Vol. 26.
 Etkind, A. (1994). *Eros nevozmozhnogo. Istoriya psikhooanaliza v Rossii* [Eros of the Impossible. The History of Psychoanalysis in Russia]. Moscow, Gnozis-progress-Kompleks.
 Flatley, J. (2008). *Affective Mapping. Melancholia and the Politics of Modernism*. Cambridge, London, Harvard University Press.
 Günther, H. (2017). Revoluciya i toska v tvorčestve A. Platonova [Revolution and Longing in the Works of A. Platonov]. In Yablokov, E. (Eds.). *Skrytaya teplota revolyutsii*. Moscow, Polymedia, pp. 25–45.
 Hansen-Löve, A. A. (1992). Pečorin als Frau und Pferd und anderes zu Lermontovs „Gerojnašegovremeni“. Teil 1. In *Russian Literature*. No. 31, pp. 491–543.
 Ivanov, Vyach. (1909). *Po zvezdam: Stat'i i aforizmy; opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie* [By Stars: Articles and Aphorisms; Philosophical, Aesthetic and Critical Experiences]. Saint Petersburg, Ory.
 Lermontov, M. Yu. (1969). *Sobranie sochinenii: v 4-kh tomakh* [Collected Works, in 4 vols.]. Moscow, Pravda.
 Mann, Yu. (1995). *Dinamika russkogo romantizma* [The Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, Aspekt press.
 Nitsche, F. (1990). *Sochineniya: v 2-kh tomakh* [Works, in 2 vols.]. Moscow, Mysl'. Vol. 2.
 Platonov, A. (2009). *Chevengur. Kotlovan* [Chevengur. Kotlovan]. Moscow, Vremya.
 Platonov, A. (2011). *Usomnivshijsya Makar* [Doubted Makar]. Moscow, Vremya.
 Platonov, A. (2014). «...ya prozhil zhizn'». *Pis'ma [1920–1950 gg.]* [“... I have lived a life.” Letters [1920–1950]]. Moscow, AST.
 Pushkin, A. S. (1957). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10-ti tomakh* [Full Composition of Writings, in 10 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 4: Poemy. Skazki.
 Pushkin, A. S. (1957). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10-ti tomakh* [Full Composition of Writings, in 10 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 5: Evgenii Onegin.
 Sologub, F. (1975). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel'.
 Stepanov, Yu. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow, Akademicheskii projekt.
 Trojansky, E. (1990). *Pessimismus und Nihilismus in der romantischen Weltanschauung*. Frankfurt a. M. u. a., Peter Lang.
 Vakenroder, V. G. (1914). *Ob iskusstve i khudozhnikakh. Razmyshleniya otshel'nika, lyubitelya izyashchnogo, izdannye Tikom* [About Art and Artists. Reflections of the Hermit, the Lover of the Graceful, Published by Thick]. Moscow, Izdatel'stvo «K. F. Nekrasov».
 Yablokov, Ye. (2017). Izmenit' mir do uznavaemosti: Revolyutsionnyi passeizm Andrey Platonova [Change the World to Recognition: the Revolutionary Passion of Andrei Platonov]. In Yablokov, E. (Ed.). *Skrytaya teplota revolyutsii*. Moscow, Polimediya, pp. 157–178.

Сведения об авторе

Гюнтер Ханс – славист, доктор филологических наук, профессор-эмеритус, Билефельдский университет (Билефельд, Германия).

Адрес: 33615, Германия, Bielefeld, Universitätsstraße, 25.
 E-mail: hans.guenther@uni-bielefeld.de.

Author's information

Günther Hans – Slavist, Doctor of Philology, Retired Professor, University of Bielefeld (Bielefeld, Germany).